

Мартин Мак-Донах

Королева красоты

перевод с английского Валентина Хитрово-Шмырова

Агентство Театральной Информации

Действующие лица

МОРИН ФОЛАН, сорока лет, некрасивая, но стройная

МЭГ ФОЛАН, ее мать, семидесяти лет, плотного телосложения

ПАТО ДУЛИ, симпатичный мужчина сорока лет, болезненного вида

РЭЙ ДУЛИ, его брат двадцати лет

Линейн. Маленький городок в Конемаре. Графство Гэлуэй. Ирландия.

Картина первая

Гостиная-кухня в сельском коттедже на западе Ирландии. Слева — входная дверь, камин с длинной черной решеткой, справа — кресло-качалка, у задней стены коробка с торфом. На кухне у задней стенки дверь, ведущая в холл, и новая плита. У правой стены раковина и несколько шкафов. Над раковиной, в некоторой глубине, окно с видом на поле, точно по центру кухонный стол с двумя стульями, немного левее на тумбочке маленький телевизор. На одном из шкафов чайник и радиоприемник. Над коробкой с торфом распятие и заключенная в рамку фотография Роберта Кеннеди. Рядом с коробкой большая черная кочегра, на стене подарочного вида полотенце с надписью: "Перед смертью не надышишься ". За окном проливной дождь. МЭГ ФОЛАН, с залезанными седыми волосами, сидит в кресле-качалке и смотрит в пустоту, слегка позевывая. Правая рука у нее красная и имеет нездоровый вид. Входная дверь открывается, и входит ее дочь МОРИН. В руках у нее хозяйственные сумки. Проходит через кухню.

МЭГ. Ну что, Морин, дождик?

МОРИН. Само собой.

МЭГ. Ох.

МОРИН снимает пальто и, вздыхая, разбирает покупки.

А я себе "Комплана" заварила.

МОРИН. И слава Богу, что сама справилась.

МЭГ. Справилась. (Пауза.) Правда, комковатый он какой-то.

МОРИН. А я-то тут при чем?

МЭГ. Ни при чем.

МОРИН. Напиши в эту фирму и сообщи насчет комков.

МЭГ (после паузы). Когда ты его готовишь, он такой приятный и нежный. (Пауза.) Никаких комков и в помине нет.

МОРИН. Размешивать надо как следует, не лениться.

МЭГ. Да я размешивала как следует, да что толку.

МОРИН. Слишком много кипятку налила сразу. А надо постепенно. На коробке так написано.

МЭГ. М-м.

МОРИН. Так что сама виновата. Попробуй еще разок по инструкции.

МЭГ. М-м. (Пауза.) Кипятка я боюсь. Вдруг ошпарюсь.

МОРИН мельком смотрит на нее.

Ужасно боюсь. Вдруг рука затрясется и ошпарюсь. И что тогда прикажешь делать?

МОРИН. Все это твоя ипохондрия, больше ничего.

МЭГ. Я просто грохнусь на пол, при чем тут ипохондрия?

МОРИН. Еще как причем. Ты же здоровая, как лошадь.

МЭГ. А, может, эта ипохондрия связана с воспалением моего мочевого пузыря?

МОРИН. Подумаешь, воспаление. Что ж, теперь тарелку супа не можешь себе сварить да в доме прибраться? Ничего с тобой не будет. Мне некогда, у меня дела.

МЭГ (после паузы). Спина болит.

МОРИН. Да знаю я.

МЭГ. И правая рука. (На секунду поднимает руку.)

МОРИН (тихо). Да пошла ты... (Раздраженным тоном.) Ладно, сама заварю! "Отныне и во веки веков"! Скажи-ка мне лучше вот что. Анетт с Марго супчик тебе готовят? Треской в масле обеспечивают хоть на неделю?

МЭГ. Да нет.

МОРИН. То-то и оно. И не тащат по косогорам. Не ценишь ты моей заботы.

МЭГ. Ценю, ценю.

МОРИН. Нет, не ценишь.

МЭГ. Ладно, заварю сама и буду размешивать изо всех сил.

МОРИН. Да ну тебя с твоим супом. Других дел по горло. Я же прислуга. Жалкая прислуга и есть, черт подери!

МЭГ. Не надо так.

МОРИН, разложив продукты, хлопает дверцами буфета и, подтащив к столу стул, усаживается. Пауза.

Морин, а как насчет моей каши? Приготовишь? Ладно, отдышись немного. Попозже...

Но МОРИН уже вскочила со стула, стуча каблуками возвращается на кухню и, гремя посудой, начинает варить кашу. Пауза.

Может, радио послушаем?

МОРИН со злобой включает радио. Через секунду-другую оно начинает громко орать. Через помехи доносится гнусавый голос певца. Пауза.

А Анетт с Марго нам песню так и не посвятили. Интересно, почему?

МОРИН. А кто их знает. Болтовня все. (Принюхивается к раковине, затем поворачивается к МЭГ.) Чем это раковина провоняла? Хотела бы я знать.

МЭГ (оправдываясь). Да ну что ты.

МОРИН. Лучше б не пахло.

МЭГ. Да ничем от нее не пахнет, клянусь Богом.

МОРИН возится с кашей. Пауза.

Радио что-то громковато звучит.

МОРИН. Громковато? (Резким движением выключает радиоприемник.)

Пауза.

МЭГ. Все равно слушать нечего. Старье дурацкое передают. Разве это песни?

МОРИН. Сама же просила, чтоб на эту станцию настроились.

МЭГ. Но все-таки на родном кельтском наречии поют. Потом время говорят и вообще.

МОРИН. Ладно, хватит ныть.

МЭГ. Стоило ради этой чепухи деньги тратить.

МОРИН (после паузы). Никакая это не чепуха. На родном же языке поют, на ирландском.

МЭГ. А, все равно чепуха. Лучше б на английском говорили как все люди.

МОРИН. А почему обязательно по-английски?

МЭГ. Чтоб понятно было, что говорят.

МОРИН. Ты в какой стране живешь?

МЭГ. А?

МОРИН. Ты в какой стране живешь?

МЭГ. Гэлуэй.

МОРИН. Не в графстве, а стране!

МЭГ. Ох...

МОРИН. В Ирландии, вот где!

МЭГ. Ирландии.

МОРИН. Почему это в Ирландии должны говорить по-английски?

МЭГ. Да я сама не знаю.

МОРИН. В Ирландии все должны говорить по-ирландски.

МЭГ. Это точно.

МОРИН. Что?

МЭГ. Что "что"?

МОРИН. Говорить в Ирландии по-английски?

МЭГ (после паузы). Английский нужен, когда в Англию за работой едешь. Больше ни для чего.

МОРИН. И всего-то дел?

МЭГ. Ну да.

МОРИН. Разве не англичане лишили нас родного языка, отняли землю и еще Бог знает что? Разве не они принуждают нас кланчить у них работу и всякие подачки?

МЭГ. О чем и речь.

МОРИН. Теперь мне ясно, куда ты гнешь.

МЭГ (после паузы). К Америке это тоже относится.

МОРИН. Это почему же?

МЭГ. Потому что в Америке кланчить работу и подачки надо тоже по-английски!

МОРИН. Всего-то дел?

МЭГ. Ну да. А может, я и не права.

МОРИН. Вот и детям, это вдалбливаем. Раз англичане или янки, значит, подачки и больше ничего. Вот где собака зарыта.

МЭГ. Ты права.

МОРИН. Еще как права. Святая правда.

МЭГ (после паузы). Если уж кланчить всякие там подачки, так уж лучше в Америке, чем в Англии. Говорят, там солнца больше. (Пауза.) А может, просто болтают? Как ты думаешь, не врут?

МОРИН (накладывает кашу в тарелку и подает ее Мэг, приговаривая). Дура ты старая. Несешь всякую чушь. Заткнись и ешь. (Идет к раковине и моет кастрюлю.)

МЭГ (смотрит на тарелку и отворачивается от нее). А мой чай? Ты что, забыла?

МОРИН хватается за края раковины, опускает голову, втягивает глубоко воздух и, еле сдерживая себя, наполняет чайник водой из-под крана. Пауза.

(Медленно ест и говорит.) Ты по дороге в магазин никого из знакомых не встречаешь?

Ответа нет.

Я не имею в виду сегодня.

Пауза.

Да ты не очень-то любишь с народом здороваться.

Пауза.

Хотя кое с кем здороваться и не нужно. Говорят, в Дублине одну старушку убили ни за что ни про что. По радио сказали. Ты в курсе?

Пауза.

Задушили за милую душу. С таким парнем-душегубом лучше вообще не заговаривать. Пройти мимо него и ни звука.

МОРИН (подносит Мэг чай и усаживается за стол). А я б с таким парнем с удовольствием бы пообщалась, а потом бы сюда привела, раз он так любит старушек пришивать.

МЭГ. Как же так можно говорить?

МОРИН. Мне можно.

МЭГ (после паузы). Не нужен он здесь. Да ну его.

МОРИН. Мне нужен. Составит мне компанию. Потом пришьет тебя. Задаром.

МЭГ. Но сначала он пришьет тебя, ей-Богу.

МОРИН. Ну и пусть. Главное, чтоб тебя потом отдубасил как следует. Потом дал по голове, потом отрубил бы ее большущим топором. А лучше бы он с этого и начал... Вот бы я порадовалась. Никакого кофе, никакой каши, вообще ничего...

МЭГ (прерывает ее, держа в руках кружку). Про сахар-то забыла. Подай-ка лучше сахарку.

МОРИН глядит на нее в упор, забирает кружку, идет к раковине и выливает чай. Возвращается, забирает полупустую тарелку, идет на кухню и вываливает содержимое тарелки в помойное ведро, ставит тарелку в раковину и проходит в холл, со злобой глядя на МЭГ. Закрывает за собой дверь. МЭГ с рассерженным видом смотрит в пустоту.

Картина вторая

МЭГ сидит за столом и смотрится в зеркальце. Поправляет прическу. Включен телевизор. Раздается стук в дверь.

МЭГ (слегка вздрагивает). Кто... Морин, Морин. В дверь стучат. О, Господи. (Встает и шаркающей походкой подходит к кухонному окну.)

Стук повторяется.

(Той же походкой подходит к двери.) Кто там?

РЭЙ (из-за двери). Это Рэй Дули. Пришел по делу.

МЭГ. Дули?

РЭЙ. Ну да, Рэй Дули. Вы меня знаете.

МЭГ. Из семейства Дули, да?

РЭЙ. Да. Меня зовут Рэй.

МЭГ. А-а.

РЭЙ (после паузы, раздраженно). Ну, так вы меня впустите, наконец, или через дверь говорить будем?

МЭГ. Она цыплят кормит. (Пауза.) Ты еще тут?

РЭЙ (вне себя). Да откройте вы дверь! Что я, зря тащился в такую даль?

МЭГ. Тащился?

РЭЙ. Вот именно. Еще спрашивает.

МЭГ с некоторым усилием открывает дверь, и на пороге появляется РЭЙ ДУЛИ.

Спасибочки! Думал, целый час еще за дверью проторчу.

МЭГ. А, это ты.

РЭЙ. Я, само собой. А кто ж еще?

МЭГ. Ты Дули, и у тебя есть дядя.

РЭЙ. Да вы меня уже двадцать лет знаете. Да, я Дули, у меня есть дядя, и я принес от него записку. (Проходит в комнату и секунду наблюдает за происходящим на экране телевизора.)

МЭГ. Морин с цыплятами возится.

РЭЙ. Уже слышал. Что по телику?

МЭГ. Жду, когда новости начнутся.

РЭЙ. Придется долго ждать.

МЭГ. Прической вот занималась.

РЭЙ. Похоже, сериал.

МЭГ. А мне без разницы.

РЭЙ. А изображение хорошее.

МЭГ. Да так себе.

РЭЙ. Теперь все из Австралии.

МЭГ. А мне все равно. (Усаживается в кресло-качалку.) Морин там, с цыплятами возится.

РЭЙ. Сколько можно талдычить одно и то же? Тышу раз что ли?

МЭГ (после паузы, смущенно). Кормит их.

РЭЙ (смотрит на нее, потом вздыхает и выглядывает в окно кухни). Мне с ней болтать некогда. Я через эту дурацкую горку перемахнул ради дела.

МЭГ. Да, горка высокая.

РЭЙ. Еще какая высокая.

МЭГ. И крутая.

РЭЙ. И крутая и грязная.

МЭГ. Грязная и каменистая.

РЭЙ. Это точно. И как вы через нее переползаете?

МЭГ. На машине.

РЭЙ. А, ну да. (Пауза.) Мне бы водить научиться. Надо на курсы записаться. Потом машину купить. (Пауза.) Не новую, подержанную.

МЭГ. На которой уже ездили.

РЭЙ. Ну да.

МЭГ. Неизвестно кто.

РЭЙ. Преподобный отец Уэлш. Уолш продает свою машину. Но покупать машину у священника, ну уж нет.

МЭГ. А мне этот Уэлш-Уолш вообще не нравится.

РЭЙ. Мартина Хенлона по голове треснул ни за что ни про что.

МЭГ. Боже милостивый!

РЭЙ. Да-да. Хотя это не в его характере. Он редко руки распускает. Это только священники в возрасте по голове бьют. А почему так, ума не приложу. Может, так и надо?

МЭГ. Тут одного священника по телику в среду показали. От него одна американка родила!

РЭЙ. Нашли чем удивить. Такое сплошь и рядом случается. Вот если он своего ребенка по голове треснет, это еще куда ни шло. Да, а что я хотел сказать? А, да, тут записка для Морин, вы ее передадите лично в руки или мне ее переписать?

МЭГ. Я передам.

РЭЙ. Здорово. Мой брат Пато приглашает вас на прощальный ужин. Дядя наш уезжает.

МЭГ. А братец твой вернулся, да?

РЭЙ. Да.

МЭГ. Из Англии?

РЭЙ. А откуда же еще. Ясное дело из Англии. Он же там жил. А наш дядюшка-американец возвращается в свой Бостон после этих выходов. И дочек своих уродин с собой забирает. Одна Долорес, другая не то Хили, не то Хооли. Так что прощальный банкет будет будь здоров какой. Со шведским столом. Так что вы с Морин приезжайте. Вы не большая любительница из дома выходить. Мой брат так сказал. У вас что, ноги больные?

МЭГ. Да нет.

РЭЙ. А у кого ж тогда с ногами плохо?

МЭГ. Откуда мне знать. У меня воспаление мочевого пузыря.

РЭЙ. Как раз об этом подумал. Спасибо за подсказку.

МЭГ. Мочевой пузырь.

РЭЙ. Понятно, понятно.

МЭГ. И еще спина болит. И руку вот обожгла.

РЭЙ. Ну-да, ну-да. Так вы записку другой рукой передадите.

МЭГ. А?

РЭЙ. Другой рукой.

МЭГ. А, ну-да.

РЭЙ. Повторите, что я сказал.

МЭГ. Повторить, что ты сказал?

РЭЙ. Ага.

МЭГ (после долгой паузы). Насчет моих ног?..

РЭЙ (вне себя). Черт, надо было сразу переписать. Только время зря трачу! (Хватает ручку и лист бумаги, садится за стол и переписывает содержимое записки.) Вот дура!

МЭГ (после паузы). Пато, завари мне чайку. Э-ээ, Рэй.

РЭЙ. Меня зовут Рэй! Понятно? Пато это мой брат!

МЭГ. Забыла.

РЭЙ. Вам говорить, это... это...

МЭГ. Как об стенку горох.

РЭЙ. Вот именно.

МЭГ (после паузы). Или супчику свари.

РЭЙ (дописывает и встает). Вот. И никакого супа. Вот записка. Когда вернется, передайте ей. В семь завтра вечером. Шведский стол. Все понятно?

МЭГ. Все, все. А ты в хоре еще поешь?

РЭЙ. Ни в каком хоре я не пою. Уже десять лет.

МЭГ. Как быстро летит время.

РЭЙ. А что там делать в этом хоре. Девчонок нет, одни жирные, как поросята, что от них толку? Я на дискотеку хожу.

МЭГ. Ну и молодец.

РЭЙ. Заболтался я тут с вами. Записку я оставил, пора и честь знать.

МЭГ. Счастливо, Рэй.

РЭЙ. До свидания.

МЭГ. Не забудь про дверь.

РЭЙ. Не забуду... (Из-за двери.) И так и так бы закрыл.

При удаляющихся шагах Рэя МЭГ встает, прочитывает записку, подходит к кухонному окну и выглядывает через него. Берет коробку спичек, возвращается к столу, зажигает спичку, поджигает записку, подходит к камину и бросает ее в огонь.

У входной двери раздаются шаги. Мэг шаркающей походкой возвращается к креслу-качалке и усаживается в него. Входит МОРИН.

МЭГ (нервничая). Холодно?

МОРИН. Еще как.

МЭГ. М-да. (Делает вид, что смотрит телевизор.)

МОРИН (принюхивается, садится за стол и смотрит, не отрываясь, на Мэг). Что показывают?

МЭГ. А мне без разницы, я новости жду.

МОРИН. А, понятно. (Пауза.) Никто не звонил, пока меня не было?

МЭГ. Никто.

МОРИН. Так, понятно.

МЭГ. А от кого ты звонка ждала?

МОРИН. Да ни от кого. (Пауза.) И никто не заходил? А?

МЭГ. Никто. А кто должен был зайти?

МОРИН. Да вроде никто.

МЭГ смотрит на МОРИН, потом снова на экран телевизора. Пауза. МОРИН встает, легкой походкой подходит к телевизору, ленивым движением выключает его носком туфли, той же походкой проходит на кухню, посматривая на Мэг, ставит на плиту чайник, прислоняется к посудному шкафу и смотрит на МЭГ.

МЭГ (нервничая). Кроме Рэя Дули никто не проходил.

МОРИН (со знанием дела). А что, Рэй мимо проходил?

МЭГ. Ну да, проходил мимо и поздоровался.

МОРИН. А ты говорила, что никто не заходил.

МЭГ. А никто и не заходил, только Рэй мимо прошел.

МОРИН. Так-так, просунул голову в дверь и сказал "здрате". И все?

МЭГ. Ну да. Симпатичный такой парень.

МОРИН. Ага. (Пауза.) И ничего не передавал?

МЭГ. Ничего. А что он должен был передать?

МОРИН. Да ничего.

МЭГ. Ничего абсолютно. (Пауза.) Сказал только, что решил машиной обзавестись.

МОРИН. Ну да?

МЭГ. Подержанной.

МОРИН. Угу.

МЭГ. Чтоб самому водить.

МОРИН. Угу, водить.

МЭГ. У этого, как его, отца не то Уэлша, не то Уолша.

МОРИН. Уэлша.

МЭГ. Ну да.

МОРИН (выключает чайник, насыпает кофе и заливает его кипятком). Кофейку вот тебе.

МЭГ. Так я вроде уже пила.

МОРИН. Пила-пила, но еще кружечка не повредит.

МЭГ (равнодушно). Это верно.

МОРИН доверху наливает воды, остужает кружку, размешивает напиток, оставляя в нем комки, вынимает ложку и передает кружку МЭГ.

(С отвращением смотрит на кружку.) Там же комки.

МОРИН. А ты не обращай внимания. От них только польза. Комки — это самое главное и есть. Пей.

МЭГ. А чайная ложка?

МОРИН. Нету. Для врунишек. Нету. Пей как есть.

МЭГ пьет маленькими глотками.

Допивай!

МЭГ. Желудок маленький, больше не влезает.

МОРИН. Пей, давай! Что тебе сказано! Врать насчет Рэя места хватает. Что он записки не оставил! Я же встретила его около дома. Врешь ты все. Выпьешь всю кружку до дна, а комки будешь сосать, а ес-

ли не допьешь, остатки вылью на твою башку. Смотри у меня. Шутки в сторону.

МЭГ пьет.

Голову мне морочишь? Опять лезешь в мою личную жизнь? Сидишь у меня на шее уже двадцать лет. Каждый божий день торчу с тобой. Можно хоть раз в жизни по-человечески ко мне отнестись?

МЭГ. Молодым девушкам не к лицу заигрывать с парнями!

МОРИН. Молодым девушкам! Да мне уже сорок, черт побери. Заткнись!

МЭГ пьет напиток.

"Молодые девушки"! Ну и сказала. А как бы Анетт и Марго выскочили замуж, если б за ними мужчины не ухаживали?

МЭГ. Не знаю.

МОРИН. Допивай!

МЭГ. Не лезет больше.

МОРИН. А если на голову вылью?

МЭГ продолжает пить.

Вот что я тебе скажу насчет "молодых девушек". Я за сорок лет поцеловалась-то с мужчинами всего два раза!

МЭГ. Двое не так уж и мало!

МОРИН. Заткнись!

МЭГ. Все, допила! (Протягивает кружку.)

МОРИН моет ее.

Двое это слишком!

МОРИН. Для тебя, возможно, но не для меня.

МЭГ. Слишком, слишком!

МОРИН. Думаешь, приятно торчать тут с тобой каждый день? Как старая, высушенная...

МЭГ. Проститутка!

МОРИН (смеется). "Проститутка"? (Пауза.) Вот было б здорово. (Пауза.) Я частенько мечтаю...

МЭГ. Стать этой самой?..

МОРИН. Кое о чем. (Пауза. Тихим голосом.) Кое о чем. Но не об этом.

МЭГ. Ну и мечты!

МОРИН. Да не об этом совсем. (Пауза.) И еще кое о чем. Хочешь расскажу?

МЭГ. Нет.

МОРИН. Сплю и вижу, как ты, одетая во все белое и красивое, лежишь в гробике, а я вся в черном стою возле гроба, а рядом со мной парень. Он меня держит за талию, от него приятно пахнет. И он мне говорит: "Пошли погуляем на всю катушку".

МЭГ. А ты что?

МОРИН. А я говорю: "А в чем теперь проблема? Пошли".

МЭГ. Ты не посмеешь!

МОРИН. Еще как посмею!

МЭГ. На моих-то похоронах?

МОРИН. Вот именно, и чем скорее ты сдохнешь, тем лучше!

МЭГ. Ну и мечты у тебя!

МОРИН. Да, мечта, только наяву. Все приятнее, когда за курами дерьмо подбираешь.

МЭГ. Все равно. Недостойные мысли.

МОРИН. А это как сказать. (Пауза. Сидит за столом, в руках у нее пачка с печеньем.) А ты никогда не помрешь. Будешь вечно сидеть у меня на шее и отравлять мне жизнь.

МЭГ. Еще как буду!

МОРИН. Я в этом и не сомневаюсь!

МЭГ. На моих похоронах тебе самой будет семьдесят. И кто тебя тогда за талию обнимет?

МОРИН. Уже никто.

МЭГ. Вот так-то.

МОРИН. М-да. (Пауза.) Печенья хочешь?

МЭГ. А соломки нет?

МОРИН. Всю съела, больше нет. Обжираться ею как хрюшка.

МЭГ. Ну, давай тогда печенье, хоть я его и не люблю. И где ты только достаешь эту гадость?

МОРИН. Мне только и забот, что о твоей соломке думать. (Дает Мэг печенье.)

МЭГ ест его.

МЭГ (после паузы). На банкет пойдешь завтра?

МОРИН. Пойду. (Пауза.) Хочу с Пато пообщаться. Я и не знала, что он вернулся.

МЭГ. Так там же все америкашки соберутся.

МОРИН. Ну и что?

МЭГ. Ты же их не выносишь. Сама вчера говорила.

МОРИН. А сейчас я думаю по-другому, это же в женском характере.

МЭГ (тихо). Ну и Бог с тобой.

МОРИН. И вообще молчала бы ты больше.

МЭГ (ухмыляется. Пауза). Меня тоже пригласили, если хочешь знать.

МОРИН (со смешком). И ты пойдешь?

МЭГ. Нет, само собой.

МОРИН. Вот именно. Завалишься и будешь спать без задних ног.

МЭГ. Слова сказать нельзя.

МОРИН. Вот и молчи. (Пауза.) Заедем-ка мы в Уэстпорт попозже. Если дождя не будет.

МЭГ (оживившись). На машине поедем?

МОРИН. Да. Давно не катались. Заодно соломки купим. Только попозже.

МЭГ. Ну да, не прямо сейчас.

МОРИН. Нет. Ты ж только кофе напилась.

МЭГ злобно смотрит на нее. Пауза.

В Уэстпорт, так в Уэстпорт. Купим мне новое платье. Для банкета.

МОРИН смотрит на МЭГ, та с раздраженным видом отворачивается. Затемнение.

Картина третья

Вечер. Сцена освещена светом камина. На кухне очень тихо работает радио. Слышны шаги и голоса МОРИН и ПАТО. Оба слегка навеселе.

ПАТО (за сценой). "А "Кадиллак" стоял у дома..."

МОРИН (за сценой). Ш-ш-ш...

ПАТО (за сценой, тихо напевая). "А в нем американки". (Уже серьезно.) А дальше как?

МОРИН (за сценой). Что дальше?

МОРИН открывает дверь, и они оба входят и включают свет. На Морин новое черное платье, волосы ее коротко подстрижены. ПАТО приятной внешности мужчина одного с ней возраста.

ПАТО. Как там дальше поется? Про этого парня и его красотку?

МОРИН. Чаю хочешь?

ПАТО. С удовольствием.

МОРИН (ставит чайник). Только, пожалуйста, потише.

ПАТО (тихо). Ладно, ладно. (Пауза.) Не помню дальше слова. Жалко.

МОРИН. Слышишь? И по радио поют. Забыла выключить, старая дура.

ПАТО. Ну и что? Пусть поет. Слова-то что надо.

МОРИН. Какие слова?

Он нежно обнимает ее и крепко целует, потом откидывает голову назад и смотрит на нее. Кипит чайник. МОРИН мягко высвобождается из его объятий, улыбается и идет к плите. Возится с чаем.

Печенье к чаю хочешь?

ПАТО. Хочу.

МОРИН. Но только "Кимберлиз".

ПАТО. Тогда не надо. Я это печенье терпеть не могу. Ужасно невкусное, самое невкусное на свете.

МОРИН. Я его тоже терпеть не могу. Я его матери скармливаю. Нарочно. Чтоб помучилась.

ПАТО. И зачем они его только вообще пекут? Колман Коннон как-то съел целую пачку, а потом всю неделю из туалета не вылезал. (Пауза.) А может, это было "Микадос"? Ну, в общем, что-то ужасное.

МОРИН. А правда, что этот самый Колман отрезал уши собаке Валена и держит их у себя дома в сумке?

ПАТО. Он мне их как-то раз даже показал.

МОРИН. Ну и сволочь же он.

ПАТО. Да, зрелище не из приятных.

МОРИН. Вообще это дело сволочное, тем более что собака-то собственного брата.

ПАТО. А собачка, наверное, симпатичная была.

МОРИН. О чем и речь. (Пауза.) О чем и речь. Неловкая пауза.

ПАТО (обнимает ее сзади). Так приятно тебя обнимать.

МОРИН. Ну да?

ПАТО. Правда.

МОРИН возится с чаем. ПАТО продолжает обнимать ее. Слегка озадаченный ее равнодушием и смущенный отстраняется от нее и отходит в сторону.

МОРИН. Присаживайся.

ПАТО. Хорошо. (Садится на стол.) Хорошо, хорошо, как скажешь.

МОРИН. Как скажешь? Что-то ты меня сегодня не очень-то слушал. Ручонки у тебя шаловливые.

ПАТО. Это точно. Я сам по себе, а они сами по себе. (Пауза.) Но по-моему, ты на мои шаловливые ручонки не очень-то и внимания обращала. Не очень.

МОРИН. Обращала, когда ты эту американку обжимал.

ПАТО. Просто я тебя в тот момент еще не углядел. Откуда я знал, что появится королева красоты из Линейна, собственной персоной.

МОРИН. "Королева красоты из Линейна". Да брось ты!

ПАТО. Настоящая королева красоты.

МОРИН. А почему же ты пропал на целые двадцать лет?

ПАТО. Храбрости набирался.

МОРИН (с улыбкой). Ну и тип же ты!

ПАТО улыбается. МОРИН приносит чай и усаживается за стол.

ПАТО. Сам не понимаю. Сам не понимаю.

МОРИН. Чего?

ПАТО. Почему я так мало общался с тобой. Ну заезжал иногда в эту дурацкую дыру, и все.

МОРИН. Когда возвращался из Англии? Тебе там что, не нравится?

ПАТО (после паузы). Все из-за денег. (Пауза.) Во вторник опять уезжаю.

МОРИН. Во вторник? В этот вторник?

ПАТО. Ну да. (Пауза.) Я приехал только, чтобы америкашек про-
водить. "Здрaсте" и "до свидания" и все.

МОРИН. Ах, уж эта Ирландия. Все время кто-то уезжает.

ПАТО. Всегда так было.

МОРИН. Плохо это.

ПАТО. А что делать?

МОРИН. Может, остаться?

ПАТО (после паузы). Я вот задаю себе один вопрос: "Будь у меня в
Линейне работа, остался бы я в Ирландии?" Так, гипотетически. Хорошей
работы здесь все равно никогда не будет. Ну пусть плохая, ну хоть какая.
И когда я в Лондоне корячусь под дождем как рабочая скотина, а работя-
ги дуются в карты, нажираются в стельку и заваливаются на протухшие
мочой матрасы, и на душе становится пусто... меня тянет сюда. Само со-
бой. Но как только я приезжаю сюда... мне и здесь плохо.

МОРИН. Но почему?

ПАТО. Сам не знаю. (Пауза.) Здесь красиво, только слепой не уви-
дит, как здесь хорошо. Горы, все зеленое, люди такие общительные. Но
все все друг про друга знают... Разве это нормально? (Пауза.) Раз чих-
нешь, так двадцать лет потом дразнить тебя будут. Все, кому не лень.

МОРИН. Это точно.

ПАТО. А в Англии всем друг на друга наплевать, и это между про-
чим не так уж и плохо. Правда, иногда... в общем, и так плохо и так пло-
хо.

МОРИН (после паузы). Так нигде якорь и не бросишь? А? Может,
когда женишься?

ПАТО (смеется). "Когда женишься"...

МОРИН. Когда-нибудь. В конце-то концов женишься. Желание-то
есть наверняка, а?

ПАТО. Честно говоря, серьезно над этим не думал.

МОРИН. Сколько у тебя баб было, не сосчитать.

ПАТО (улыбаясь). Ну уж ты и скажешь.

МОРИН. Ну парочку-то завел, чего уж там.

ПАТО. Ну пару, это еще куда ни шло. Все это не то. Ты совсем
другое дело.

МОРИН. Я?... Болтун ты.

ПАТО. Нет, правда. (Пауза.) Я же не...

МОРИН. "Не" что?

Пауза. ПАТО грустно пожимает плечами. Пауза. По радио
звучит задушевная песня.

(В том же настроении.) Моя мать любит эту песню. Это Делия Мэрфи.

ПАТО. За душу берет.

МОРИН. Еще как берет.

ПАТО. А какой голос задушевный. С детства эту песню помню. Здорово поет. (Пауза.) А бабушка как там? Померла наконец или просто спит?

МОРИН. Спит, куда она денется.

ПАТО. Ясно...

МОРИН (после паузы). А в это время двое, взявшись за руки, бредут по полю.

ПАТО. Угу.

МОРИН. При лунном свете.

ПАТО (кивает). Да, таких песен больше не пишут. Слава Богу.

МОРИН весело смеется.

А хороший был вечер, правда?

МОРИН. Очень.

ПАТО. Хорошо их проводили, да?

МОРИН. Очень.

ПАТО. И выпили как следует.

МОРИН. Как следует.

ПАТО. Э?

МОРИН. Как следует.

ПАТО. Ну да. Ну да.

МОРИН (после паузы). Так кто была эта американка? Которую ты обжимал?

ПАТО (смеется). Обжимал да обжимал. Брось ты. Дотронулся до нее разок и все.

МОРИН. Ишь ты какой!

ПАТО. По-моему, она двоюродная сестра моего дяди. Долорес Хили, а может, Хооли. Из Бостона. Она там живет.

МОРИН. Так это ж криминал, щупать двоюродную сестру.

ПАТО. Во-первых, не свою, а во-вторых, ну тебя в задницу. Двоюродные не считаются.

МОРИН. Еще как считаются!

ПАТО. Раз так, проконсультируюсь со своим адвокатом. А то еще засадят. Просто я ниточку снял с ее кофточки и пылинку стряхнул.

МОРИН. Ну и врун же ты!

ПАТО. Это точно. (Изнемогая. Нервничая.) Я тебе покажу как... (Медленно протягивает руки и нежно гладит грудь Морин.)

МОРИН (гладит его по руке, потом встает, садится к нему на колени и ерошит ему волосы). Она меня симпатичней.

ПАТО. Куда ей до тебя.

МОРИН. Симпатичней.

ПАТО. Мне нравишься только ты.

МОРИН. У тебя глаза голубые.

ПАТО. Это верно.

МОРИН. Оставайся у меня.

ПАТО. Ты серьезно?

МОРИН. Вполне.

ПАТО (после паузы). А мама спит?

МОРИН. А мне до лампочки. (Пауза.) Опустит руку.

ПАТО опускает руку.

Еще ниже... Еще...

Его рука оказывается на ее бедре. МОРИН слегка откидывает голову назад. Песня заканчивается. Затемнение.

Картина четвертая

Утро. Черное платье Морин лежит на столе. Входит МЭГ, в руках у нее ночной горшок. Подходит к раковине и выливает содержимое. Уносит горшок в холл и возвращается, вытирая руки о ночную рубашку. Смотрит на платье и берет его брезгливым движением.

МЭГ. Сорок фунтов на такую тряпку. Кургузое какое-то. А что это оно тут валяется? (Швыряет его в дальний угол, проходит на кухню, ставит чайник и громко выкрикивает.) Мне все равно, когда ты домой заявилась в своем дурацком платье. Мой суп должен быть готов как обычно. (Тихо.) Ну и платье, смех один. (Громко.) Бесстыдство сплошное, все равно что голой ходить! (Тихо.) Спит без задних ног. Заставляет старуху самой суп варить да еще и кашу. Только не кашу. Сейчас она у меня дождется. Все ей выскажу. Абсолютно все. Кашу я варить не буду. Ну уж нет. Меня голыми руками не возьмешь.

Из коридора появляется ПАТО, на ходу заправляя рубашку в брюки.

ПАТО. Доброе утро, уважаемая.

МЭГ (потрясенная, глядит на него во все глаза, лишившись на секунду дара речи). Ну, доброе так доброе.

ПАТО. Кашу готовите?

МЭГ. Ну да.

ПАТО. Хотите я вам ее сварю?

МЭГ. Угу.

ПАТО. А вы пока отдыхайте.

МЭГ садится в кресло-качалку и не отрываясь смотрит на Пато, пока тот готовит кашу.

Я по утрам своему братику кашу варил, так что я человек привыкший. (Пауза.) А к америкашкам вчера так и не собрались?

МЭГ. Нет.

ПАТО. Из-за ног. Мне Морин рассказывала.

МЭГ (еще не придя в себя). Да, да, из-за ног. (Пауза.) А где Морин?

ПАТО. Сон досматривает. (Пауза.) Честно говоря, я... собирался удалиться до вашего появления, но Морин мне говорит: "Мы же взрослые люди. Кому от этого хуже?" Мы, вообще-то. Да, ладно. Чувствую себя не в своей тарелке. В общем, запутался я. (Пауза.) Америкашки уже в Бо-

стоне, наверное. Да Бог с ними. (Пауза.) Банкет был что надо. (Пауза.) Выпили как следует. (Пауза.) А суп "Комплан" вам налить?

МЭГ. Да.

ПАТО (подносит ей суп). Нравится?

МЭГ. Нет.

ПАТО. Почему?

МЭГ. Я его терпеть не могу, она меня силой заставляет.

ПАТО. Говорят, хорошая вещь, особенно для пожилых.

МЭГ. Да, наверное.

ПАТО. Вкус куриный?

МЭГ. Понятия не имею.

ПАТО (разглядывая упаковку). Да, куриный. Самый вкусный. (Возится с кашей.)

МЭГ (тихо). Вечно с комками и никакой ложки. Какой уж тут привкус.

ПАТО. Ну вот, готово. (Пауза.) А что это у вас с рукой? Вся красная.

МЭГ. Рука-то?

ПАТО. Ожог.

МЭГ. Ожог.

ПАТО. С огнем в вашем возрасте надо быть поосторожнее.

МЭГ. Поосторожнее... Угу...

Из холла выходит МОРИН, на ней только бюстгальтер и трусики. Подходит к ПАТО.

МОРИН. Поосторожней? А разве мы действовали неосторожно? (Садится Пато на колени.)

ПАТО (смущенно). Ну, Морин...

МОРИН. Осторожно действовали, к чему нам сейчас ребенок. Тут и так сплошной детский сад. (Крепко целует его.)

МЭГ с отвращением смотрит на них.

ПАТО. Ну, Морин...

МОРИН. В знак благодарности за чудесную ночь. Ради нее стоило ждать двадцать лет. Еще как стоило.

ПАТО (смущенно). Угу.

МЭГ. Мы тут про мою обоженную руку беседовали, пока ты не впорхнула в чем мать родила!

МОРИН. Да пошла ты со своей рукой. (ПАТО.) Отделай меня еще раз как следует. А то когда еще встретимся. Я как раз во вкус вошла.

ПАТО. Морин...

МОРИН (целует его, встает и смотрит на удаляющуюся на кухню Мэг). Сильная вещь. Ей-Богу.

ПАТО (встает и ходит взад-вперед). Хм, мне, пожалуй, пора... Я сам соберусь, быстренько...

МЭГ (указывая на Морин, громко). Это она обожгла мне руку! Все расскажу как было первому встречному-поперечному! Вылила жир из сковородки прямо на руку! А врачу сказала, что это я сама виновата!

МОРИН (после паузы, спокойно, Пато). Чайку попей перед уходом.

ПАТО (после паузы). Если только быстренько.

МОРИН наливает чай.

МЭГ (переводит взгляд с одного на другого). Вы слышали, что я сказала?

МОРИН. Думаешь, Пато намерен выслушивать бредни старой дуры?

МЭГ. Старой дуры? (Поднимает левую руку.) А это что, не доказательство разве?

МОРИН. Пато, подойди-ка сюда. Ну-ка нюхни.

ПАТО. Что? (Проходит на кухню.)

МОРИН. Понюхай раковину.

ПАТО наклоняется над раковиной, принюхивается и отворачивается с брезгливой гримасой.

МЭГ. Раковина здесь ни при чем, абсолютно!

МОРИН. Не причем? Еще как причем. Служит доказательством одной твоей милой привычки.

ПАТО. А в чем дело? В канализации?

МОРИН. Канализация тут ни при чем. Абсолютно. Каждое утро выливает сюда полный горшок с мочой, хотя я ей тыщу раз говорила, что для этого существует туалет.

МЭГ. Мы про руку говорили, а совсем не про мочу!

МОРИН. Даже смыть ей лень. О какой гигиене может идти речь? У нее воспаление мочевого пузыря. Тем более все это негигиенично. Я же в ней посуду мою. Пато, чай готов.

ПАТО брезгливым движением берет чашку и маленькими глотками пьет чай.

МЭГ. Хоть бы оделась! Ходишь полуголая! Ни стыда, ни совести!

МОРИН. А мне нравится. Мне так легко и хорошо.

МЭГ. Похоже на то.

МОРИН. Очень хорошо.

МЭГ. Напоминает мне "Диффорд Холл" в Англии, очень смахивает...

МОРИН (вне себя). Да заткнись ты...

МЭГ. Со всеми твоими шмотками тебя туда и на порог не пустят.

МОРИН. Заткнись, я сказала!..

МЭГ. Туда только в длинных платьях пускают...

МОРИН, сжав кулаки, направляется к МЭГ.

ПАТО (перехватывает ее руку и встает между ними). Да вы что в самом деле?..

МЭГ. Диффорд Холл! Диффорд Холл! Диффорд Холл!..

МОРИН. Ну да, Диффорд Холл. И по-моему...

МЭГ. Диффорд Холл! Диффорд Холл!..

МОРИН. А что горшок с мочой мне просто привиделся?

МЭГ. Да ну ее, эту мочу! Знаешь, что такое Диффорд Холл, уважаемый!

МОРИН. Заткнись!

МЭГ. Это психушка! Старая английская психушка. Я ее забрала под свою ответственность, чтобы она ухаживала за мной. Документик хочешь покажу? (Проходит в холл.) Как доказательство, кто она такая и какая я старая дура. И вообще, кто из нас тронутый. А? Выплескивала мочу прямо мне в лицо, вот так-то...

Пауза. Все молчат. МОРИН медленно идет к столу и садится. ПАТО выливает чай в раковину, споласкивает кружку и моет руки.

МОРИН (тихо). Это правда. Лежала я там после нервного срыва. Давно это было.

ПАТО. Нервный срыв? Ну и что? Это у всех бывает.

МОРИН. И не только у чокнутых.

ПАТО. У многих очень образованных тоже. У них даже чаще. Бедный Спайк Милли Чан, разве у него срывов не было? И у меня с нервишками не очень, откровенно вам скажу. Ничего особенного в этом нет. Главное — в голову не брать. Спокойнее, спокойнее.

МОРИН. Значит, пробыть месяц в психушке дело не постыдное?

ПАТО. Думать ни о чем не постыдно. Вот что главное. А психушка — глупое словечко. И ты прекрасно об этом знаешь.

МОРИН. Знаю.

ПАТО садится за стол напротив МОРИН.

Случилось это в Англии. Уборщицей устроилась. Двадцать пять мне тогда было. Первый раз из дома уехала. Самый первый раз. Одна сестра только что вышла замуж, а другая была на выданье. Подалась я тогда в Лидо и убирала там туалеты в офисах. Нас была целая команда, все англичанки. Кроме меня. "Ну ты, рожа ирландская. Ну и рожа, прямо свиньячья задница..." Они знали, что я из Копнемары, из Ирландии. "Валила б ты отсюда в свой свинарник, и чтоб мы тебя тут не видели". Несло их так, что и не остановишь. Половины слов так и не разобрала. Одной черной пришлось мне все растолковать. Из Тринидада она была. Ее тоже поливали, а ей как об стенку горох. Только смеялась во весь рот. Лицо у нее такое широкое было, и улыбка такая же. Показывала мне фотографии Тринидада. Я ей: "Какого лешего тебя сюда занесло? Говно убирать". А как-то раз я ей показала календарь с фотографией Копнемары. Она мне и говорит: "А какого лешего тебя сюда занесло? Чтобы..." (Пауза.) Потом она подалась к умирающему мужу, в Лондон. А потом меня и скрутило.

ПАТО (после паузы). Все это было давным-давно. Все прошло.

Пауза.

МОРИН (смотрит на него). Я еще больная, как ты думаешь?

ПАТО. Да ну что ты...

МОРИН. Точно?.. (Встает и идет на кухню.)

ПАТО. У меня и в мыслях этого нет. Все это было давно, и все у тебя прошло. И ничего постыдного в этом нет. Забудь об этом.

МОРИН. Забыть все, да? Когда эта... эта... глаз с меня не спускает ни на секунду. Как будто я... я... (Пауза.) Ничего я с ее рукой не делала, какой бы невменяемой я не была. Она сама захотела картошки себе пожарить. Мы поцапались, я все бросила и ушла на час. Ну она и опрокинула сковороду прямо себе на руку. Как, Бог ее знает. Прихожу я, она лежит около плиты. Если б не эта психушка, у нее бы язык не повернулся обвинить во всем меня. Попробуй докажи, что было на самом деле. Я-то знаю, знаю наверняка, старая сучка вонючая.

ПАТО. Не надо так.

МОРИН. Ничего не могу с собой поделаться. Она же любого с ума сведет, самого нормального.

ПАТО (с улыбкой). Это точно. Удивительно, как у меня еще крыша не поехала! Оба улыбаются.

Пауза.

Ну, я побежал. Мне действительно пора.

МОРИН. Ну хорошо. Чай-то допил?

ПАТО. Нет. После таких разговоров вылил его.

МОРИН. И правильно сделал. Я б сама его вылила. Ну как с ней жить? (С печалью в голосе.) Ну что с ней делать прикажешь. (Смотрит ему в глаза.) Ладно, будем жить дальше.

ПАТО (после паузы). Накинь что-нибудь на себя. Простудишься. Камин-то холодный.

Пауза. МОРИН снова мрачнеет. Осматривает себя.

МОРИН (тихо). Накинуть что-нибудь? Страшный у меня вид, да? "Накинуть что-нибудь"...

ПАТО. Да просто холодно. Нельзя так ходить... Простудишься.

МОРИН. А вчера ночью я страшной не была, да?

ПАТО. Ну ладно тебе, перестань.

МОРИН. Ночью я была королевой красоты, ты вроде так выразился. А теперь? "Прикройся. Меня от тебя тошнит..."

ПАТО (подходит к ней). Ну зачем ты так?..

МОРИН. Может, в этом и причина.

ПАТО (замирает). Причина чего?

МОРИН. Что ты убегаешь. Я тебе опротивела.

ПАТО. Неправда это.

МОРИН (чуть не плача). Ну и иди.

ПАТО (снова подходит к ней). Морин, ну...

Входит МЭГ, размахивая документами. Пато останавливается.

МЭГ. Ну? Вот и документы. Диффорд Холл. Пусть я старая безмозглая курица. Почитать желаете? А? Тут все написано. И хватит доставать меня этой раковиной!

Пауза.

ПАТО. Морин...

МОРИН (берет себя в руки. Мягко). Ты уж иди.

ПАТО (после паузы). Как приеду в Англию, сразу напишу. (Пауза. Твердо.) Посмотри мне в глаза! (Пауза. Спокойно.) Я напишу из Англии! (Надевает куртку, бросает прощальный взгляд на Морин, выходит, закрыв за собой дверь. Шум удаляющихся шагов.)

Пауза.

МЭГ. Напишет он. Черта с два. (Пауза.) А платье твое дурацкое я в угол забросила!

Пауза.

МОРИН. смотрит на МЭГ. Взгляд у нее печальный, но не раздраженный.

МОРИН. Но зачем? Зачем? Зачем?

Пауза. МОРИН подходит к лежащему на полу платью, садится на корточки, поднимает его, прижимает к груди. Какое-то время продолжает сидеть на корточках, потом встает и проходит мимо матери.

На себя б лучше посмотрела. (Проходит в холл.)

МЭГ. Лучше на себя посмотри... Еще... еще...

МОРИН закрывает за собой дверь.

...еще тот видик.

МЭГ держит в руках документы и не знает, что с ними дальше делать. Пауза. Кладет бумаги на стол, почесывается и замечает нетронутую тарелку с кашей. Опускает в тарелку палец.

(Тихо.) А каша-то остыла. (Громко.) Каша холодная! (Тупо смотрит перед собой.)

Затемнение.

Картина пятая

На сцене темно. Луч прожектора освещает часть жилой комнаты. ПАТО сидит за столом и читает только что написанное письмо.

ПАТО. Дорогая Морин, это Пато Дули пишет тебе прямо из Лондона. Извини, что я тебе так долго не писал, но если честно, я не был совсем уверен, что ты ждешь от меня весточки. Как бы там ни было, я все-таки решился написать тебе. Мне о стольком многом хочется тебе рассказать, и хоть я не большой мастер писать письма, постараюсь как смогу. Особых новостей вообще-то нет, если не считать одного рабочего из Уэксфорда. На днях на него на строительной площадке свалилась груда кирпича. Свалилась прямо на голову. Выжил чудом, а на голове сорок швов. И сам уже немолодой, лет за пятьдесят. Пожалуй, эта новость самая главная. По пятницам, иногда по субботам позволяю себе кружку пива, но я здесь никого не знаю и поговорить мне не с кем. Так что сижу сам по себе и помалкиваю. Иногда заглядывает местный заводила-крутой. Я в грамматике не очень, так точно не уверен "а" или "о" нужно написать. Так что я "неприкаянный", как любят выражаться местные. Честно говоря, мне и хочется говорить только о тебе и о себе, если мы еще что-то значим друг для друга, в чем я не уверен. Я все время, постоянно вспоминаю, как мы провожали америкашек, и как мы потом остались один на один, как много рассказали друг другу, и как потом пошли к тебе домой. Я действительно считал тебя королевой красоты и в данный момент считаю также, тем более что между мной и той американкой ничего не было. Это все твои фантазии. Ну выпил я пару бокалов и позволил своим рукам немного пошалить. Я ужасно хотел, чтобы ты одарила меня своим вниманием. И ты меня им одарила, я был на седьмом небе от счастья, у меня и сейчас сердце от радости выскакивает. И что же? Ночь все испортила и мы друг другу не близкие люди, да? Наоборот, мы теперь как родные. И что ты вдруг на меня так разозлилась. Ведь все было так хорошо. Наверное, тебе взбрело в голову, что я изменил свое отношение к тебе из-за истории с психушкой. И когда я сказал "Накинь что-нибудь, холодно», меня твой вид не раздражал совершенно. Совсем наоборот. Я был наверху блаженства. Хоть бы ты ходила в таком виде до самого второго пришествия. И может быть, даст Бог, наступит день, когда ты снова предстанешь передо мной в этом же самом виде. Если ты не простила меня по-настоящему, то пусть все остается как есть: мы с тобой расстаемся друзьями и точка. Но если на самом деле простила меня, то я не могу не поде-

литься одной новостью. И уж это новость так новость. Я просто врал, когда говорил, что новостей никаких нет. А новость состоит в том, что я имел серьезный разговор с дядюшкой из Бостона, а этот несчастный случай с рабочим из Уэксфорда переполнил чашу моего терпения. За гроши лишиться жизни и быть еще при этом "ирландской рожей". С меня хватит. Дядюшка предложил мне работу в Америке, и я тут же согласился. Это мой шанс. Скоро я вернусь на пару недель в Линеин, соберу вещички и устрою прощальный банкет. У меня один-единственный вопрос: ты хочешь поехать в Америку вместе со мной? Разумеется, не прямо сейчас. Тебе ведь нужно время подумать. Ну, скажем, через ме-сяц-два. Но если ты еще не простила меня, то я просто дурак дураком, что делаю такое предложение. И нам лучше эти дни держаться друг от друга подальше и не встречаться до моего отъезда. И если ты в эти дни не дашь о себе знать, я все пойму. Но если ты действительно простила меня, что тебя собственно удерживает в Ирландии? За твоей мамашей могли бы присмотреть сестры. Почему ты одна должна тащить этот крест? Разве ты не имеешь права на личную жизнь? Если сестры откажутся, то в Отерарде есть очень приличный дом для престарелых. Там ей до последнего часа скучать не дадут, и что за радость сидеть и целый день смотреть на эту дурацкую горку? Никакой. (Пауза.) Ладно, как бы там ни было, тебе решать. Мой адрес и номер телефона на конверте. Код узнаешь сама. Только звони подальше, потому что телефон стоит в холле. С огромным нетерпением буду ждать твоего звонка и если не дождусь, то все пойму. Морин, береги себя. А та самая ночь останется в моем сердце навсегда. Я был счастлив и счастлив и сейчас, когда вспоминаю все как было. Если для тебя все иначе, ну что ж. Ну вот, собственно, и все, что я хотел сказать тебе. Подумай над моими словами. Как следует подумай. Искренне твой, Пато Дули.

Прожектор выключается, но Пато продолжает чтение письма. На этот раз своему брату.

Дорогой Рэймонд, как ты там? В одном конверте отправляю сразу несколько писем, не хочу, чтоб попались на глаза чужим людям. Передай их, пожалуйста, и ни в коем случае не читай. Хотя этого я мог бы и не писать. Первое передашь Мику Дауду, когда он выйдет из больницы. Сообщи мне, как он себя чувствует и арестовали ли ту девчонку, которая так отделала его. Второе передашь бедняжке Герлин и скажешь, чтобы больше в священников не влюблялась. Третье — для Морин Фолан. Ты должен зайти к ней и отдать прямо в руки. Лично ей, в руки. Это очень важно. Особых новостей нет. О своих американских планах сообщу позд-

нее. Вот бы все получилось. Ну, Рэймонд, удачи тебе. P.S. Помни, Морин, лично в руки. До скорого.

Картина шестая

День. РЭЙ стоит у камина и с интересом смотрит сериал, то и дело похлопывая о колено запечатанным конвертом. МЭГ из своего кресла-качалки смотрит то на Рэя, то на письмо. Долгая пауза.

РЭЙ. Ну, старина Уэйн дает.

МЭГ. Да ну?

РЭЙ. Еще как. Выдает будь здоров.

МЭГ. Угу.

РЭЙ (после паузы). А заметили, какая у Патриции прическа? Она так себе. Уэйн — это высший класс. (Пауза.) "Сыновья и дочери". Люблю я этот сериал. Очень мне нравится.

МЭГ. Ну да?

РЭЙ. Сплошные убийства, а все девчонки в купальниках. Самая забойная программа.

МЭГ. А мне бы новости.

РЭЙ (после паузы). Еще ждать и ждать. Программа заканчивается. (Потягивается.) Ну вот и конец.

МЭГ. Сейчас новости будут? Ах, я совсем забыла.

РЭЙ. Какие там новости? Чертов "Сельский час". Сегодня четверг?

МЭГ. Раз новостей нет, выключай. Буду ждать.

РЭЙ (выключает телевизор и слоняется по комнате). Новости только в шесть. (Смотрит на свои часы. Тихо и раздраженно.) Черт, черт, черт, черт, черт, черт. (Пауза.) Вы сказали, что она уже должна быть дома. Было дело?

МЭГ. Было. (Пауза.) Может, заболталась с кем, хотя это не в ее привычках. Она сама по себе.

РЭЙ. Это уж точно. (Пауза.) Немного с приветом, если уж честно. А у нее сохранился теннисный мячик? Он от моей подачи попал в сетку Мартина Хемлона и отскочил в ваш огород. Мы ее умоляли, упрашивали: "Отдайте мячик, отдайте мячик", а она ни в какую. Уже десять лет прошло, а у меня все эта картина перед глазами стоит.

МЭГ. Мне, как говорится, добавить тут нечего.

РЭЙ. Как сейчас все помню, до гроба не забуду!

МЭГ. А это правда, что вы с Мартином запустили свой теннисный мячик в нашего цыпленка и убили его наповал? Может, поэтому мячик и оказался в нашем огороде?..

РЭЙ. Мы играли в теннис и больше ничего!

МЭГ. Угу.

РЭЙ. Нужен нам был этот цыпленок. Мы в теннис играли. И это был последний раз. Больше мы в теннис уже никогда не играли. Что толку от сетки, если мяча нет?

МЭГ. Вот именно.

РЭЙ. Никакого толку! Никакого! (Пауза.) Сучка!

МЭГ (после паузы). Ладно, ты иди, а письмо мне оставь. Я ей обязательно передам, будь уверен. Чего еще ждать? Она ведь тебе так насолила.

РЭЙ (на секунду задумывается, потом через силу). У меня строгое предписание, уважаемая.

МЭГ (ворчливым тоном). Заварил бы ты мне кружечку чайку, что ли.

РЭЙ. Никакого чаю. Я здесь по важному поручению. И прислуживать не собираюсь.

МЭГ (после паузы). Может, подбросишь торфа в камин? Замерзла я что-то.

РЭЙ. Еще раз повторить?

МЭГ. Да, ладно, Рэй. Ты хороший парень. Благослови тебя Господи.

Вздыхая, РЭЙ кладет письмо на стол, берет стоящую рядом с камином тяжелую черную кочергу и орудует ею. Потом ставит ее на место. МЭГ не спускает глаз с письма.

РЭЙ. Теннис это что? Я на прошлой неделе встретил ее по дороге, вежливо поздоровался, а она что? Даже ухом не повела. Даже не посмотрела на меня.

МЭГ. Да ну?

РЭЙ. А у меня все одна мысль в голове вертелась: "Шла бы ты в задницу". Конечно, я этого не сказал. А сейчас жалею. Надо было пробежать мимо нее и выдать все как следует этой сучке!

МЭГ. И надо было, она этого заслужила. Ты ведь, Рэй, хороший парень, вот торфу подбросил. А она последнее время явно не в себе.

РЭЙ. А одевается как пугало огородное, любого спросите. (Расшевелив торф в камине и по-прежнему держа кочергу, смотрит на висящее на стене посудное полотенце.) "В рай бы на секунду, пока тебя черт не забереет."

МЭГ. Вот так-то.

РЭЙ (развеселись). "В рай бы на секунду, пока тебя черт не забереет!"

МЭГ (со смущенной улыбкой). Не слабо.

РЭЙ (держа в руках кочергу, слоняется по комнате). Кочерга что надо.

МЭГ. Да?

РЭЙ. Добротная и тяжелая.

МЭГ. Тяжелая и длинная.

РЭЙ. Добротная, тяжелая и длинная. Запросто можно вырубить полдюжины легавых, только так, и ни одной царапины не останется, а потом добавить им еще как следует, чтоб кровь брызнула. (Пауза.) Продайте.

МЭГ. Ни за что. Калечить полицейских?

РЭЙ. Пять фунтов.

МЭГ. Самим нужна.

РЭЙ (фыркает и ставит кочергу на место). Ну, само собой, какой дом без кочерги. (Слоняется по кухне.)

Не сводя глаз с письма, МЭГ встает с кресла.

Да я б, если захотел, полдюжины таких достал, за полцены.

Только МЭГ намеревается завладеть письмом, как РЭЙ ленивой походкой подходит к столу и, не обращая на нее никакого внимания, забирает письмо у нее из-под носа. МЭГ делает недовольную гримасу и усаживается в кресло. РЭЙ открывает входную дверь и ищет глазами Морин.

(Вздыхая.) Целый день проторчал. (Пауза.) Лучше б дома телик смотрел. (Садится за стол.)

МЭГ. Раз на раз не приходится, она может и вечером заявиться.

РЭЙ (сердито). Вы же сами сказали, что она должна быть к трем!

МЭГ. Ну да, обычно приходит к трем. (Пауза.) А иногда и вечером. Иногда. (Пауза.) А иногда и поздно вечером. (Пауза.) А иногда и ночью. (Пауза.) ...А один раз даже утром.

РЭЙ (резко прерывая ее). Ладно. Ладно. Вы у меня по башке зарабатаете. Дождетесь.

МЭГ (после паузы). Уж и сказать нельзя.

РЭЙ. Вот и молчите! (Вздыхает. Долгая пауза.) Мочой пахнет, во всем доме.

МЭГ (после паузы. Смущенно). Эээ, это от кошек.

РЭЙ. От кошек?

МЭГ. Ну да. (Пауза.) Они ходят в раковину.

РЭЙ (после паузы). И зачем они туда запрыгивают?

МЭГ. Чтобы пописать.

РЭЙ. Пописать? В раковину? Ну и кошки! Какая-то особая порода, наверное.

МЭГ (после паузы). Насчет породы я не в курсе.

Пауза. РЭЙ ударяется головой о стол и медленно и ритмично бьет себя по затылку.

РЭЙ (бубня). Нечего мне здесь делать, нечего мне здесь делать, нечего мне здесь делать.. (Поднимает голову, смотрит на письмо и начинает медленно вертеть его в руках, в нерешительности.)

МЭГ (после паузы). Рэй, завари мне чайку.(Пауза.) Или супчику из "Комплана" сделай. (Пауза.) Только помешай как следует, чтобы комков не было.

РЭЙ. К черту этот суп, к черту все. Шел бы ты парень домой. А то эта толстозадая так и будет перед тобой маячить.

МЭГ (после паузы). Ну хоть супчику.

РЭЙ скрипит зубами и начинает тяжело дышать. Чуть не плача.

РЭЙ (успокоившись, печально). Пато, Пато, Пато. (Пауза.) Что же такого в этом письме? (Пауза. Твердо.) Если я письмо оставлю вам, вы точно передадите его Морин, прямо в руки? Точно передадите?

МЭГ. А как же. Прямо ей и передам.

РЭЙ (после паузы). И не вскроете?

МЭГ. Ну зачем же. Оно адресовано лично ей. Тут и имя ее. При чем тут я?

РЭЙ. И пусть вас поразит кара Божья, если вскроете!

МЭГ. И пусть меня поразит кара Божья, если я вскрою его. Ну, я думаю, все обойдется, вскрывать я его и не собираюсь.

РЭЙ (после паузы). Ладно, пошел я. (Встает, кладет письмо рядом с солонкой, на секунду задумывается, смотрит на Мэг, потом снова на письмо и машет рукой.) Ну, до встречи, уважаемая.

МЭГ. До встречи, Пато, то есть Рэй.

РЭЙ корчит гримасу и выходит, оставив входную дверь приоткрытой. МЭГ кладет руки на подлокотники кресла, порываясь встать. Одумывается, глядя на приоткрытую дверь. Снова складывает руки на коленях и смотрит в пустоту. Пауза. Входная дверь настежь открывается, и появляется голова Рэя. МЭГ невинно улыбается.

РЭЙ. Ну, пока. (Плотно закрывает дверь и уходит.)

МЭГ прислушивается к его удаляющимся шагам, встает, берет в руки конверт, вскрывает его, подходит к камину и отодвигает решетку так, чтобы пламя освещало письмо. Читает его. Прочитав первую страничку, бросает ее в огонь. Начинает читать вторую. Затемнение.

Картина седьмая

Вечер. МЭГ сидит в своем кресле. Негромко звучит радио. Передают песни по заявкам слушателей. Слышимость очень плохая. Пауза.

МЭГ. Ничего не разобрать.

МОРИН. А я-то тут при чем?

МЭГ (после паузы). Один треск. (Пауза.) Что за мелодия? (Пауза.)

От кого и кому?

МОРИН. Слышимость прекрасная.

МЭГ. Да ну?

МОРИН (после паузы). Может,глохнуть начинаешь? Кто тебя знает.

МЭГ. Ну, вот еще. У меня слух что надо.

МОРИН. Скоро я тебя засажу в дом для глухих, ты у меня дождешься. (Пауза.) Там уж тебе треску в масле на обед не подадут. Не дождешься. Каша да сухари, вот и вся твоя еда будет. Если повезет. А если от этой еды откажешься, получишь по шее. А может, и по голове.

МЭГ (после паузы). Да я скорей помру, чем допущу такое.

МОРИН. Хорошо бы.

МЭГ (после паузы). А треска была вкусная.

МОРИН. Еще бы.

МЭГ. Очень вкусная.

МОРИН. Нарезала кусками да сварила, вот и все дела. Так что комплименты можешь оставить при себе.

МЭГ (после паузы). Какая ты грубая стала со мной в последнее время.

МОРИН. Грубая не грубая. (Пауза.) А кто тебе винной жвачки купил на прошлой неделе, а?

МЭГ (после паузы). Это все из-за Пато Дули. Вот в чем причина твоей грубости. (Пауза.) Он тебя на прощальный банкет не пригласил.

МОРИН. У Пато Дули своя жизнь.

МЭГ. Ему нужно было только одно.

МОРИН. Переспать со мной. Очень может быть. Но сейчас нравы стали свободнее, не то что в ваше время.

МЭГ. Мое время ты лучше не трогай.

МОРИН. Мы сейчас с мужчинами наравне. Только пальцем помани. А чувствовать себя не хуже мужчин льстит моему самолюбию.

МЭГ. После того, что здесь было, да?

МОРИН (озадаченная спокойной реакцией Мэг). Все равно льстит.

МЭГ. Ну и ладно. Главное, чтобы тебе хорошо было.

МОРИН, все еще сбитая с толку, приносит с кухни несколько штук печенья "пальчики" и два съедает.

А семьей ты обзавестись не собираешься?

МОРИН. Я — нет. Он вел себя очень осторожно.

МЭГ. Точно?

МОРИН. Угу. Мы оба были осторожны и нежны друг к другу. Мы любили друг друга горячо, но с оглядкой. Понятно тебе?

МЭГ. Само собой. Само собой. Нисколько не сомневаюсь.

МОРИН (после паузы). Ты что, опять парафина нанюхалась?

МЭГ (после паузы). Вечно ты со своим парафином.

МОРИН. Настроение у тебя уж больно игривое.

МЭГ. Игривое? Да нет, обычное.

МОРИН. Игривое, игривое. (Пауза.) Да, мы с Пато время никогда не теряли, и знаю я его как облупленного. В постели он хорош, но для мужчины этого мало. Нужны общие интересы: книги, политика. Я ему так все и сказала: или мы находим общий язык, или расстаемся. Постель для меня не главное.

МЭГ. И когда ты ему об этом сказала?

МОРИН. Недавно. Тогда, когда...

МЭГ (перебивая ее). И он, наверное, расстроился.

МОРИН. Еще как расстроился. Но я убедила его, что так будет лучше для нас обоих, и он со мной согласился.

МЭГ. Я так и знала.

МОРИН (после паузы). Поэтому-то я на прощальный банкет и не пошла. Это было бы нетактично с моей стороны. Я бы поставила его в неловкое положение.

МЭГ. Да, по всей видимости, ты права. (Пауза.) Итак, вы расстались, потому что у вас "мало общего", да? Только из-за этого?

МОРИН. Только из-за этого. Но мы разошлись как друзья и зла друг на друга не держим. Никакого. Абсолютно. А той ночью я взяла от него все, что хотела. И мне было хорошо, и ему.

МЭГ. Ну да, конечно. Нисколько не сомневаюсь, что вы оба были на верху блаженства. (Улыбается и кивает.)

МОРИН (смеется). Ну и игривое же у тебя настроение сегодня. (Пауза.) Довольна, что Пато уезжает и не будет больше хватать меня за все места в твоём присутствии.

МЭГ. Возможно, возможно. Я действительно рада, что он уезжает.

МОРИН (улыбаясь). Вечно суешь свой нос в чужие дела. (Пауза.)
Печенья хочешь, длинненького?

МЭГ. Очень. Именно длинненького.

МОРИН. На, бери.

МЭГ. С удовольствием.

МОРИН (подает Мэг печенье, непристойно поигрывая им). Кое-что мне напоминает это печенье.

МЭГ. И мне тоже.

МОРИН. А что оно напоминает на самом деле, так для тебя это далекое воспоминание.

МЭГ. Это точно. По этому делу ты знаток.

МОРИН. Что правда, то правда.

МЭГ. Угу.

МОРИН. Знаток из знатоков.

МЭГ. Нисколько в этом не сомневаюсь.

МОРИН (после паузы. Подозрительно). А почему ты так в этом уверена?

МЭГ. Да потому, что ты со своим Пато Дули устроила мне тут кавардак. И когда... (резко осекается.)

МОРИН (после паузы. Улыбаясь). Когда что?

МЭГ. Все, я молчу. Как говорится, никаких комментариев. А печенье вкусное.

МОРИН (выходя из себя). Когда что?

МЭГ (испуганно). Да ничего.

МОРИН (с нажимом). Нет, нет. Когда что? (Пауза.) Ты говорила с кем-нибудь?

МЭГ. Ни с кем, что ты, Морин!

МОРИН (на секунду задумавшись). Ты с кем-то говорила. Ты...

МЭГ. Да ни с кем я не говорила. Я же ни с кем не разговариваю, ты же прекрасно об этом знаешь. И вообще, кто мог об этом рассказать Пато?.. (Резко осекается, поняв, что она влипла.)

МОРИН презрительно смотрит на нее, идет на кухню, ставит на плиту сковородку и зажигает газ. Выливает на сковородку растительное масло, снимает со стены резиновые перчатки и надевает их. МЭГ кладет руки на подлокотники кресла и пытается встать, но МОРИН бьет ее ногой в пах и водворяет на прежнее место. МЭГ откидывается на кресле и со страхом смотрит на Морин. Та сидит за столом, ждет, когда закипит масло. Глядя в точку, начинает говорить.

МОРИН. Выкладывай все, что знаешь.

МЭГ. Да ничего я не знаю.

МОРИН. Так-так.

МЭГ (после паузы). Это Рэй на что-то там намекнул. Ну, конечно. Это Рэй...

МОРИН. Это дело интимное. Пато ему ничего не мог сказать.

МЭГ (со слезами на глазах). Да это я так, чтоб ты хвост особенно не распускала. Ну что старая, больная женщина может знать? Это просто моя фантазия...

МОРИН. Все ты знаешь, просто голову мне морочишь. На твоей роже все же написано. Спрашиваю во второй и последний раз: что ты знаешь?

МЭГ. Да, на лице, но только на твоём. По нему я все и угадала. У тебя взгляд непорочной девы, и всегда такой был. (Без задней мысли.) И всегда будет таким.

Пауза. Масло закипает. МОРИН встает, включает радио, снимает сковородку, выключает газ и подходит к МЭГ.

(С ужасом.) Он прислал письмо, и я его прочла!

МОРИН медленно и аккуратно берет мать за руку, слегка вытягивает ее и медленно льет на руку масло. МЭГ от боли начинает страшно кричать.

МОРИН. Где письмо?

МЭГ (сквозь крик). Я его сожгла. Прости, Христа ради.

МОРИН. Что в нем было написано?

МЭГ из-за крика не может произнести ничего членораздельного. МОРИН убирает сковородку и отпускает руку. МЭГ прижимает руку к груди и продолжает пронзительно кричать и визжать.

О чем говорилось в письме?

МЭГ. Написал, что ударился в запой, но это не твоя вина.

МОРИН. Что еще?

МЭГ. Что он не собирается сдавать меня в дом для престарелых!

МОРИН. Что ты там мелешь? Какой дом? Что еще?

МЭГ. Не помню. Не могу вспомнить!..

МОРИН хватается ее за руку, и пытка продолжается.

Больно, больно!..

МОРИН. Еще что? Говори.

МЭГ (сквозь вопли). Просил тебя поехать в Америку вместе с ним. Вот что!

МОРИН ошарашена. Отпускает руку Мэг и убирает сковородку. МЭГ снова прижимает руку к груди и хнычет.

МОРИН. Что?

МЭГ. Но разве ты можешь поехать с ним? Ты же должна за мной ухаживать.

МОРИН (со счастливым блеском в глазах). Он хочет, чтобы я поехала с ним в Америку? Пато берет меня с собой?

МЭГ (смотрит на нее). А как же я?

Небольшая пауза. МОРИН одним замедленным движением выливает часть масла на платье Мэг и остатки выплескивает ей в лицо. Мэг скрючивается, кричит, падает на пол, пытаясь стряхнуть кипящее масло. Лежит на полу, корчась и пронзительно крича. МОРИН делает шаг назад, не глядя на мать.

МОРИН (мечтательно, тихо). С собой в Америку... (Приходя в себя). Который час? О, черт, он уже на вокзале! Я должна его видеть. О, Господи... А что надеть? М-м. Черное платье! Короткое черное платье! Напомнит ему кое-что. (Бросается в холл.)

МЭГ (тихо, рыдая). Морин... помоги мне...

МОРИН быстро возвращается, надевая на ходу платье.

МОРИН (себе под нос). Ну, как я? Надо быть на высоте. Который час? О, Боже...

МЭГ. Морин, помоги мне...

МОРИН (причесываясь). Помочь тебе? После того, что ты натворила? Ишь какая. Не дожدهшься. И вот еще что. Если я опоздаю на вокзал, ты свое получишь на всю катушку, попомни мои слова. Прочь с дороги... (Перешагивает через Мэг и выходит.)

Пауза. МЭГ по-прежнему лежит на полу, корчась. Входная дверь с треском открывается, и входит МОРИН.

Забыла ключи от машины... (Хватает со стола ключи, подходит к двери, возвращается к столу и выключает радио.) Экономить надо электричество. (Снова выходит, хлопая дверью.)

Пауза. Слышен шум отъезжающей машины. Пауза.

МЭГ (тихо). А кто же будет за мной ухаживать? (Вся дрожа, смотрит на свою обожженную руку.)

Затемнение.

Картина восьмая

Тот же вечер. Комната освещается только светом, пробивающимся сквозь каминную решетку. Видны лишь силуэты МЭГ, качающейся в своем кресле, и МОРИН, медленно прохаживающейся по комнате с кочергой в руке. На ней черное платье.

МОРИН. В Бостон. Я еду в Бостон. А братья Кеннеди, кстати, не оттуда родом? Роберт мне нравится больше, чем Джек. Он к женщинам лучше относился. Хотя кто его знает. (Пауза.) Бостон. И звонить туда приятней, чем в Англию. Да везде лучше, чем в этой Англии. Никакого дерьма, никаких уборок, никто не обзывается. А если кто и заикнется, то Пато любого на место поставит. Но вряд ли до этого дойдет. Американцы любят ирландцев. (Пауза.) Просто умолял меня. На колени вставал, чуть не плакал. На станции его поймала, пять минут до отхода поезда оставалось. Спасибо твоим стараниям. Застала его. Но больше ты в мою жизнь вмешиваться не посмеешь. Это я тебе точно говорю. Опоздай я на пять минут, ты бы у меня покорчилась не так, как сейчас. Уж я б тебя отделала как следует. Бедняга. Бедная старая сучка. (Пауза.) Зацеловал меня всю. А какие глаза у него голубые. А обнимает так, что дух захватывает. "Почему ты не ответила на мое письмо?" Все порывался приехать сюда и дать тебе хорошую затрещину. А я ему: "Да брось мараться, она же выжившая из ума старуха". Выгораживала тебя. (Пауза.) "Когда достанешь денег, приедешь ко мне в Бостон, любовь моя?" Приеду, обязательно приеду. Поженится мы или нет, мне все равно. Пусть сплетничают, язык-то без костей. Обо мне всегда сплетни распускали. Пусть их. Главное, что Пато и я будем вместе. Спать, прижавшись друг к другу. Это же предел моих мечтаний. (Пауза.) "А что делать с твоей престарелой мамой? В доме для престарелых не слишком грубо с ними обращаются?" — "Не грубо не грубо, просто удовольствие это дорогое". — "А как насчет сестер?" — "Они эту сучку не выносят ни секунды. Даже на Рождество. Начисто забыли, когда у нее день рождения. Все спрашивают меня: "Как ты с ней справляешься?" А я им: "Да палкой по спине и весь разговор". (Пауза.) "Ладно, поступай как знаешь" Он уже был в купе и целовал меня из окошка! Прямо как в кино. "Как решишь, так и будет. Месяц, буду ждать месяц. А если поймешь, что расстаться с ней не можешь, я все пойму. Хоть и тяжело мне будет. Если нужно будет ждать год, буду ждать год". — "Да какой там год", а поезд уже тронулся. Какой там год. Я буду уже через неделю!

Кресло-качалка останавливается. МЭГ медленно сползает с него и тяжело падает на пол. Она мертва. Видна обожженная часть голого черепа. МОРИН смотрит на нее со скучающим видом, касается ее носком туфли затем ставит ногу ей на спину и задумывается.

"Оступилась и прямо головой вниз". Вот так (Пауза.) Вот так вот.

Затемнение.

Картина девятая

Дожливый день. Входная дверь открывается, и входит МОРИН. Она в траурном одеянии. Снимает жакет и медленно прохаживается по комнате, ни на чем не концентрируя внимания. Зажигает камин, включает негромко радио и садится в кресло-качалку. Через секунду с смешком достает с кухонной полки пачку "Комплана", пакет с крупой и высыпает содержимое в огонь. Выходит в холл и возвращается со старым чемоданом. Кладет на стол, стирает с него толстый слой пыли. Открывает его, на секунду задумывается и возвращается холл.

Раздается стук в дверь. МОРИН возвращается, ненадолго задумывается, убирает чемодан с стола и ставит его рядом с ним. Слегка поправляет прическу и подходит к двери.

МОРИН. А, Рэй, привет.

РЭЙ (из-за двери). Привет, уважаемая.

МОРИН. Заходи.

РЭЙ. Я вас заметил, когда вы шли домой. (Входит и закрывает за собой дверь.)

МОРИН не спеша проходит на кухню и готовит себе чай.

Я не ожидал, что вы вернетесь так рано. А вы на прием не пойдете? Или как это называется. Ну, в общем, то что в "Рори" намечается.

МОРИН. Нет. У меня есть кое-какие дела и поприятней.

РЭЙ. Понятно, понятно. А сестры ваши пошли?

МОРИН. Конечно, само собой.

РЭЙ. А потом придут сюда, да?

МОРИН. Да нет, прямо домой пойдут, насколько я поняла.

РЭЙ. Ну да, конечно. Пока сюда доберешься. Целая история. (Пауза.) Все прошло нормально?

МОРИН. Ну конечно.

РЭЙ. Несмотря на дождь.

МОРИН. Несмотря на дождь.

РЭЙ. Да, денек для похорон еще тот.

МОРИН. Это точно. Лучше б месяц назад померла, хоть последним солнышком полюбовалась. А тут еще эта полиция со своими дурацкими расспросами. Все равно ничего не докажут.

РЭЙ. Вы наверняка рады, что все неприятное позади и больше к вам приставать не будут.

МОРИН. Ужасно рада.

РЭЙ. Просто у них работа такая. (Пауза.) Сам-то я полицейских небольшой поклонник. Они мне тут два пальца на ноге сломали ни за что ни про что. Правда, я пьяный был в стельку и слегка подебоширил.

МОРИН. Пальцы на ногах, говоришь?

РЭЙ. Ну да.

МОРИН. А мне Том Хенлон сказал, что ты разбил их, когда ногами в дверь стучал. В одних носках.

РЭЙ. Так и сказал? Есть же полицейский протокол. А про бирмингемскую шестерку вы слышали?

МОРИН. Конечно. Нашел с кем себя сравнить. Ладно, Рэй, перестань.

РЭЙ. Да Бог с ними. (Пауза.) Так на чем я остановился?

МОРИН. Что-то про легавых там нес.

РЭЙ. Легавых? Да нет. Насчет похорон вашей мамы.

МОРИН. Ну и я так и говорю.

РЭЙ (после паузы). А народу много было?

МОРИН. Мои сестры, одна из них с мужем, какая-то Мэри Рафферти и отец Уолш-Уэлш — как его там. И больше никого. Святой отец прощальное слово сказал.

РЭЙ. Отец Уэлш треснул по голове Мартина Хенлона ни за что ни про что. (Пауза.) А вы телевизор смотрите?

МОРИН. Нет. Одно австралийское дерьмо каждый день крутят.

РЭЙ (слегка озадаченный). А мне австралийские сериалы нравятся. Кто будет Ирландию по телику смотреть?

МОРИН. Я.

РЭЙ. Открой окно, да смотри. Вот тебе и Ирландия. Быстро наскучит. "А вот идет теленок". (Пауза.) Мне уже все наскучило и опротивело. (Пауза.) Подамся-ка я в Лондон. В общем, подумываю об этом. Работать там буду. Уеду прямо на днях. А может, в Манчестер подамся. Там наркотиков больше выбор. Так говорят.

МОРИН. Ни в коем случае не связывайся с наркотиками. Ужасно опасная штука.

РЭЙ. Ужасно опасная штука? Наркотики? В наше-то время?

МОРИН. Ты сам прекрасно об этом знаешь. РЭЙ. Возможно, возможно. Но много и других не менее опасных вещей. Отдашь концы только так. Да еще и быстрее.

МОРИН (равнодушно). Каких, например?

РЭЙ (после паузы. Передергивая плечами). Хотя бы этот дурацкий городишко.

МОРИН (после паузы. Печально). Что верно, то верно.

РЭЙ. Семьдесят лет придется здесь мучиться. Меня на столько не хватит. Это не для меня. Ну уж нет. (Пауза.) А вашей маме сколько было, когда она умерла?

МОРИН. Семьдесят. Ровно.

РЭЙ. Но она пожила в свое удовольствие. (Пауза.) Или просто пожила. (Принюхивается.) Что там горит?

МОРИН. Да вот "Комплан" и крупу сжигаю.

РЭЙ. Зачем?

МОРИН. Потому что не ем ни то ни другое. От матери еда осталась. Решила полки почистить.

РЭЙ. Перевод продуктов.

МОРИН. Будешь меня учить жить?

РЭЙ. Лучше б мне отдали.

МОРИН (тихо). Хватит выступать.

РЭЙ. Ну хоть кашу. Кашу я люблю. "Комплан" мне не нравится. Хоть бы его вообще не было.

МОРИН. А еще я хотела сжечь остатки печенья "Кимберлиз". Угощайся, если хочешь. Раз оно тебе так нравится.

РЭЙ. Обожаю "Кимберлиз". Ужасно.

МОРИН. Похоже на то.

РЭЙ (ест печенье). Залежалось немного. (Жует.) Свежее намного вкуснее. (Пауза.) По-моему, "Кимберлиз" самое вкусное печенье. Самое мое любимое. Лучше, чем "Яффа". (Пауза.) Или "Вэгон Виллз" (Пауза.) "Вэгон Виллз" вообще-то и печеньем не назовешь. Больше на шоколад смахивает...

МОРИН (прерывает его). Некогда мне. У тебя дело или насчет печенья пришел поболтать?

РЭЙ. А, ну да, конечно же. Получил я от Пато тут на днях письмо. Написал, чтоб я зашел к вам.

МОРИН (садится в кресло-качалку и с интересом его слушает). Да ну? И что он просил передать?

РЭЙ. Написал, что очень сожалеет по поводу кончины вашей матери и передает искренние соболезнования.

МОРИН. Так, так, так. А еще что?

РЭЙ. Самое главное это.

МОРИН. Он не упоминал время или какие-то детали?

РЭЙ. Время и детали? Нет...

МОРИН. По-моему...

РЭЙ. А?

МОРИН. А?

РЭЙ. Да, он также просил передать, что очень сожалеет, что не мог проститься с вами в день отъезда. Он очень этого хотел. Но как вышло, так вышло. По-моему, не очень красиво.

МОРИН (встает, смущенно). Так мы же с ним виделись в день отъезда. На станции.

РЭЙ. На какой еще станции? Он уехал на такси. О чем это вы?

МОРИН (садится). Ничего не понимаю.

РЭЙ. Пато уехал на такси. Он так сожалел, что не смог попрощаться с вами. (Пауза.) Знаете что, Морин, дело это конечно не мое, но воздух в вашем доме стал намного чище после смерти вашей матери. Намного.

МОРИН. А, может, это, к лучшему? Я его провожаю, поезд медленно отходит. Красивая фантазия.

РЭЙ (смотрит на нее как на сумасшедшую). Ну да, ну да. (Мямлит, с сарказмом.) Вам надо передохнуть. (Пауза.) А, кстати, вы помните девушку по имени, э-э-э... Долорес Хооли, не то Хили? Она была на прощальном банкете, когда америкашек провожали?

МОРИН. Знакомое имя.

РЭЙ. Она все время танцевала с моим братом. Помните?

МОРИН. Танцевала? Повисла у него на шее, если уж честно. Как дешевая проститутка.

РЭЙ. Ну, это вы уж слишком.

МОРИН. Как дешевая проститутка. И где он ее только откопал?

РЭЙ. А мне она понравилась. Глаза такие большие, карие. Люблю я карие глаза. Похожа на героиню из фильма "Боско". По-моему, у нее тоже были карие глаза. Телевизоры тогда черно-белые были. (Пауза.) Так на чем я остановился?

МОРИН. На Долорес Хооли или как ее еще там, черт ее дери.

РЭЙ. А, ну да. На прошлой неделе они с Пато были помолвлены.

МОРИН (в шоке). Помолвлены? Зачем?

РЭЙ. Чтобы пожениться. Зачем же еще? Главное "зачем"? Чтоб чай распивать.

МОРИН лишается дара речи.

Староват он для нее, а, может, это и к лучшему. Суматошное дело. Планируют на будущий июль. Только вот собираюсь написать ему, чтоб перенес свадьбу или вперед или, наоборот, назад, а то может совпасть с Европейским чемпионатом. Интересно, в Америке его будут по телику пока-

зывать? Скорее всего нет, эти америкашки дурацкие. Им футбол до лампочки. (Пауза.) А этим Хооли или Дооли все без разницы. Тут загвоздка с одной буквой. Буквой "Х". (Пауза.) А может, Хили, я точно не помню. (Пауза.) Если Хили, то это четыре буквы: "Х", "И", "Л" и "И". (Пауза.) Письмо писать я буду завтра. Что-нибудь передать от вас, уважаемая?

МОРИН. Я что-то... Что-то не в себе. Долорес Хооли?..

РЭЙ (после паузы. Раздраженно). Ну, так передать что-нибудь, еще раз повторяю.

МОРИН (после паузы). Долорес Хооли?..

РЭЙ (вздыхая). Черт... В этом доме все с приветом! Сколько можно повторять?

МОРИН. Кто с приветом?

РЭЙ. И она еще спрашивает! (Ухмыляясь, отворачивается и смотрит в окно.)

МОРИН тихо достает из-за каминной решетки кочергу и, прижимая ее к боку, медленно приближается к Рэю со спины.

МОРИН (грозно). Так кто с приветом?

РЭЙ неожиданно замечает что-то за коробками в проеме окна.

РЭЙ (вне себя). Черт, да это же, это же!.. (Достает из-за коробок выцветший теннисный мячик на проволоке, поворачивается и начинает яростно вращать его, при этом он настолько зол, что не замечает даже кочерги в руках МОРИН.)

МОРИН замирает на месте.

Лежал на этом дурацком окошке столько лет и ради чего? Папочка и мамочка купили мне его еще в тысяча девятьсот семьдесят девятом году. Большие деньги тогда стоил. Самый дорогой подарок за всю мою жизнь. А поиграл-то всего два месяца. А потом раз, и конфисковали его у меня. По какому такому праву? Я вас спрашиваю. Ни по какому. Засунули его туда, и он пролежал и весь вид потерял. Но хоть бы сами им поиграли, ну хоть об стенку. Так нет же. Просто из вредности забросили его за окошко прямо у меня под носом. А потом еще спрашиваете кто "с приветом". Да вы с приветом. Да еще с каким!

МОРИН (с грохотом бросает кочергу на пол и садится в кресло. Смотрит в одну точку). И зачем я запрятала этот мячик от тебя? Не помню, ей-Богу. Голова была тогда совсем другая.

РЭЙ (поднимает кочергу и ставит ее на место). Хорошая кочерга. Только не швыряйте ее так больше, ладно?

МОРИН. Ладно.

РЭЙ. Кочерга высший класс. (Пауза.) Продайте мне ее, тогда я зла против вас держать не буду из-за этого теннисного мячика.

МОРИН. Нет, Рэй, не продам.

РЭЙ. Ладно. Шесть фунтов!

МОРИН. Нет. У меня с ней слишком много приятных воспоминаний связано.

РЭЙ. Тогда я вас не прощаю!

МОРИН. Да ладно, Рэй, перестань...

РЭЙ. Нет, не прощаю. Ни за что... (Подходит к входной двери и открывает ее.)

МОРИН. Рэй! Так ты будешь писать брату?

РЭЙ (вздыхая). Буду. А что?

МОРИН. Хочу, чтобы ты передал от меня кое-что.

РЭЙ (вздыхая). Все передаю, передаю, передаю. Ну, что там у вас? Только коротко.

МОРИН. Просто передай... (На секунду задумывается.)

РЭЙ. Ну, я жду!

МОРИН. Просто напиши... Просто напиши: "Королева красоты из Линейна передает тебе привет". Вот и все.

РЭЙ. "Королева красоты из Линейна передает тебе привет".

МОРИН. Нет, не так?

РЭЙ снова вздыхает.

До свидания. До свидания. "Королева красоты из Линейна говорит "до свидания".

РЭЙ. «Королева красоты из Линейна говорит до свиданья». Передам. "Королева красоты из Линейна говорит "до свидания". Хотя после всей этой истории с теннисным мячиком, может, и не стоило бы. До свидания, уважаемая...

МОРИН. Сделай радио погромче перед уходом. Ладно, Пато, то есть, Рэй, я хотела сказать...

РЭЙ (вне себя). Черт... (Включает радио.) Вы в этом кресле ну точно как ваша покойная мамаша. Сидит, командует и имена путает. Прощайте!

МОРИН. И дверь за собой закрой...

РЭЙ (кричит во все горло). Да закрою, закрою, черт! (Выходит и хлопает дверью.)

Пауза.

МОРИН потихоньку качается в кресле и слушает песню в исполнении "Чифтейнс ". Доносится мягкий, вкрадчивый голос Диктора.

ДИКТОР. Какая нежная мелодия. А следующая песня передается по заявке Анетт и Марго Фолан. Они передают музыкальный привет своей маме Мэгги, которая живет в горах Линейна, в красивейшем местечке, второго такого на всем свете не найдешь. И привет свой они передают по случаю дня рождения мамы, которой ровно месяц назад исполнилось семьдесят лет. Ну что ж, надеемся, вы весело отметили эту дату, Мэгги, и мы желаем вам всего наилучшего и много-много лет жизни. А вот и сама песня, которая звучит для вас.

Звучит "Веретено " в исполнении Дейлы Мэрфи.

МОРИН мягко покачивается в кресле. Во время четвертого куплета тихо встает, поднимает покрытый пылью чемодан, поглаживает его, медленно идет к холлу, оглядывается на пустое кресло-качалку. Кресло еще слегка раскачивается. Небольшая пауза.

Затем МОРИН проходит в холл и закрывает за собой дверь. Мы слушаем песню до самого конца. Кресло останавливается, свет на сцене постепенно гаснет.

Занавес

(095) 216 5995

Агентство напоминает: постановка пьесы возможна
только с письменного согласия автора